Юрий Ушев

Хорошая компания

Юрий Ушев

Хорошая компания

«Автор»
2026

Ушев Ю.

Хорошая компания / Ю. Ушев — «Автор», 2026

О весёлых студенческих годах, проказах студентов. О школьных годах - проделках школьных друзей. О детских годах, с самой коляски и велосипеда.

© Ушев Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Книга первая «СТУДЕНТЫ» 6
АБИТУРА 10
Фундамент 14
Скамейки 20
конгруэнции 22
ВОВКИНА капля 24
Уже тогда... 27
библиотека 31
магнитофон 37
носок 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Хорошая компания

ХОРОШАЯ КОМПАНИЯ

Юрий Ушев

АНОНС

«Хорошая компания» - это сборник историй о нас с вами. О студенчестве – счастливейшем времени абсолютной свободы, радости познания, о дружбе на всю жизнь.

О школьных годах среди друзей с забавами, проделками и поступками. О детстве, ярких воспоминаниях, когда деревья были большими, о маме с папой – главными людьми на планете.

Самое время заварить чай, завернуться в плед и вспомнить, какими мы были. Первая история уже на подходе.

Книга первая «СТУДЕНТЫ»

Студенческие годы – это счастливая юность, когда энергия переполняет, мир расстилается перед тобой. Это фундамент для дерзких мечтаний, которые постепенно твоими трудами претворяются в жизнь. Это друзья, которые всегда с тобой, и альбомы с десятками фотографий, на которые капают слезы...

ЭКЗАМЕНЫ

...Экзамены закончились, результаты вывесили на стене... Меня прошиб пот...

Яблони уже отцветали, книги и тетради, разложенные с утра на столе, успели покрыться кое-где нежно-розовыми цветочными лепестками, которые, впрочем, сдуть не составляло труда. Пчелы гудели где-то вверху и не обращали на меня никакого внимания.

Деревянный столик с ножками-крестовинами, скрепленными удобной для ног перекладиной в окружении тенистых яблонь, обычная табуретка, стали на все лето моим кабинетом, где готовился к поступлению в ВУЗ. Зеленая прохлада, тишина, нарушаемая едва слышным жужжанием пчел, помогали сосредоточиться. Каждое утро я садился под яблоню, придвигал поудобнее к столу табуретку с кожаным верхом и раскрывал в нужном месте учебник.

После выпускных экзаменов мы выбирали ВУЗы, куда поступать. Сашка сразу решил подать документы в Ташкентский институт железнодорожного транспорта на заочный факультет. Сашке нужно было думать о маме – отца недавно не стало, нужно работать. А специальность слесаря по ремонту тепловозов у нас уже имелась. Не зря одиннадцать лет учились.

А я все раздумывал. Кто-то из нашего класса рассказал, что будет поступать в Томский институт радиоэлектроники. Мне туда тоже захотелось. Мы с Сашкой зимой ходили в радиокружок дома пионеров.

Собрать ламповый стереофонический усилитель было для меня настоящим удовольствием. Весь процесс, от изучения схемы до пайки последнего элемента, захватил меня целиком. Было интересно подбирать в магазине детали по схеме. Деревянный корпус обклеил

шпоном и отполировал. Ручки от зубной пасты профессионально представляли органы управления. Усилитель выглядел красиво, особенно вечером, когда сверху корпуса ярко светились две большие лампы выходного каскада и звук на колонках от «Ригонды» был очень чистый.

Радиоэлектроника мне уже нравилась. В Алма-Ате подобных ВУЗов не было и в Россию почему-то потянуло. Вспомнились кедровые леса, где взрослые били шишки и мы их собирали в мешки. Высокие малинники и ведра полные ягод, стоящие у меня в ногах, когда мы поздно вечером ехали с родителями на мотоцикле с коляской домой в Абакан.

Рыбалка на реке Чулым в Ачинске, где мы с папой снимали язей с закидушек у обрывистого берега.

Прелый запах Волжской воды, где мы ловили раков, когда жили в Энгельсе. Вспомнились цветистые луга, березнячки, заросли черемухи и смородины в Абакане. Все, решено, еду в Томск, в Россию. Родители не возражали.

В ТИРЭТе главным экзаменом была математика. За физику, химию и сочинение я переживал меньше. Напишу сочинение на трех страницах, как посоветовала наша учительница литературы, меньше ошибок будет.

- Только за ошибки вам могут снизить оценку, ну, и сжато по теме пишите, - говорила она. Спасибо Антонине Михайловне, помогла – за сочинение мне поставили четыре, но это было позже.

Я обошел книжные магазины и выбрал все, на мой взгляд, лучшее для поступающих в ВУЗы. Среди книг на столе лежал толстый решебник задач по математике. Мне он сразу понравился - там была теория, задачи, примеры их решения и развернутые ответы в конце учебника.

В своем уютном кабинете под яблоней уже много дней штудировал эту умно составленную книгу. Долго не давались задачи типа: из трубы вода вытекает, в другие трубы втекает, сколько и т.д., или из пункта А выехал, навстречу из пункта Б и т.д. Мысленные образы типа: я, молекула, теку в трубе или я, пассажир, еду, не гарантировали быстрого решения, а на вступительных экзаменах в ВУЗ, такой важный как ТИРЭТ, давали на все про все два часа.

Рано утром, когда в саду еще веяло прохладой и цветы на клумбах были влажными, в полной тишине с большим вдохновением и хорошо отдохнувшей головой, садился за учебники. Поздно вечером, когда с гор спускался холодок и становилось темно, шел спать. Перерывы на обед и ужин, были, конечно. Мама за этим строго следила. Очень помогало, что по телевизору смотреть, на мой взгляд, было нечего и вообще мы этим не увлекались.

Спал я, чаще всего, в беседке, окруженной сверху и со всех сторон старыми, обильно покрытыми широкими листьями виноградными лозами, не позволявшими беседке нагреваться от дневного зноя. В открытые окна проникал прохладный горный воздух и сон был как никогда крепким, давая особенную утреннюю свежесть и быстроту мысли.

В один прекрасный момент, поутру, когда голова была особенно ясная, меня осенило – а дай-ка я составлю систему уравнений. Бездумно буду обзывать переменные икс, игрек, зет и т.д. особо не вдаваясь в смысл этих переменных, то есть бессмысленно, сколько неизвестных, столько и переменных. И, как ни странно, эта необычная легкость в мыслях приводила к единственно верным решениям за считанные минуты. Я стал профи в этом разделе математики и сэкономил много времени для освоения и запоминания тригонометрических, дифференцирующих, интегрирующих задач, задач с пределами и т.д.

На поезд Андижан-Томск меня провожали всей семьей. Чемодан и большой арбуз несли мои школьные друзья Саша и Бахыт. Брат Вова перешел уже в шестой класс, но был гораздо ниже меня, худенький и я держал его за руку. Потом он тоже поступил в ТИРЭТ на тот же Радиотехнический факультет. Папа и мама шли рядом под ручку и давали последние напутствия, ведь для них это было важное событие – ребенок едет в неизвестное и становится самостоятельным.

В Томске, оставив чемодан в привокзальной камере хранения, разыскал ТИРЭТ и с трепетом вошел в грандиозное здание с мраморными колоннами на центральной улице Ленина. В портфеле у меня были документы.

В широком фойе стояли столы с табличками, за которыми сидели члены приемной комиссии. Я выбрал столик со свободным стулом и положил документы на стол. Документы мои приняли, а меня отправили, снабдив нужными бумагами, в общежитие на улице Кирова.

Поселившись в общаге на Кирова в статусе абитуриента, я с товарищами по комнате в первый же воскресный день пошел в парк, где произошел неприятный случай, который можно объяснить только избытком сил и ребячеством.

Нас заинтересовало колесо обозрения. Купив билеты, мы поехали вверх. В кабинках над нами заметили девушек, которые поглядывали на нас и задорно смеялись. Родилась мысль перебраться к ним. Мы полезли по арматуре в их кабинку. Это было нетрудно и весело. Почти добравшись до девчонок, мы заметили трех милиционеров, которые с интересом смотрели, запрокинув головы, на нас. А завтра экзамены, не хватало еще этого приключения, поэтому мы не стали дожидаться, когда земля достаточно приблизится и, спрыгнув в кусты, убежали в противоположную от них сторону.

Первый экзамен по математике письменно проходил в торжественной обстановке. Мы расселись напротив своих чистых листков с печатями. Листки располагались далеко друг от друга в рядах, расположенных амфитеатром. Однако товарищи сзади и спереди были не дальше вытянутой руки.

Экзаменационный билет каждый из нас взял на столике в центре аудитории. Нужно было решить три задачи: из пункта А в пункт Б, тригонометрическую и на пределы. Ответ должен был быть развернутым и содержать области определения и задания. Мне это было хорошо знакомо благодаря долгой работе в саду под яблоней. Справившись с работой за час, я дважды и трижды перепроверил черновик и аккуратно переписал все на чистовик. До сдачи работы оставался еще час. Кто-то из соседей, видя, что я освободился, незаметно передал мне записку. Я помог товарищу решить задачу, потом отнес листки с печатями экзаменатору и вышел из аудитории.

Следующие экзамены, проходившие каждые несколько дней, были немного проще. Увидев пятерку по математике в зачетном листе, члены комиссии на экзаменах по физике и химии уже с большей учтивостью разговаривали и ставили пять или четыре. Сочинение я написал вообще на трех страницах, чтобы было меньше ошибок, как учила наша учительница по литературе, и получил четверку.

Экзамены закончились, результаты вывесили на стене на огромном листе высотой до трех метров. Это были списки поступивших счастливчиков и их баллы.

Я вновь и вновь искал свою фамилию и не находил. Меня прошиб пот. Вдруг, заглянув в самый верх, увидел - Ушев Юрий Александрович. Я был почти первым. Немного постояв, чтобы успокоиться и, охваченный радостью, почти побежал на почту давать телеграмму родителям.

(Фото из архива автора).

АБИТУРА

...Банка наполнилась почти до краев, «инструктор» вынул трубку...

В комнате было тесновато. Я лежал на верхней койке и покуривал. Собственно я никогда раньше не курил, но старшекурсники нам показали – если делать щелчки средним пальцем по коже под подбородком, задранном кверху и округлить губы, то к потолку поднимется красивое кольцо дыма. Мы лежали на своих кроватях и постукивали по подбородкам, хвастая чье кольцо лучше.

Кто-то вошел в комнату и принес приятно пахнущую булку свежего белого хлеба. Аромат хлеба возбуждал аппетит, и один из старшекурсников предложил сходить за вареньем и научить кого-нибудь из абитуриентов добывать его. Выбрали меня.

Мы направились к кинотеатру «Октябрь», расположенному через дорогу и приблизились к одному из нескольких, стоящих на площади перед кинотеатром, автоматов для газводы.

Мой «инструктор» по добыванию варенья, как он в шутку представился, вынул из кармана резиновую трубку и, попросив меня внимательно смотреть, надел ее на один из двух хромированных патрубков, расположенных над местом для установки стаканов. Затем он опустил трехкопеечную монету в щель приемника монет и нажал кнопку.

Потекла вода, «инструктор» быстро поставил литровую стеклянную банку на место, куда ставят стаканы, подсосал из трубки, как это делают шоферы, сливая бензин из бензобака, и в банку потек обыкновенный густой красный сироп. Когда банка наполнилась почти до краев, «инструктор» вынул трубку, сироп перестал течь, а мы пошли обратно к себе, порадовать нас, несмышленышей, как сказал «инструктор», горячим хлебом с вареньем. Что мы и сделали.

(Фото в свободном доступе).

Каргасок, слева направо: Боря Шадрин, Юра Ушев, Володя Смирнов

БОРЩ

...Володя чинно попробовал варево, наклонился и стал быстро уплетать борщ...

Жара в середине лета обычное явление для здешних северных мест. Щедрое солнце палило вовсю. Легкий ветерок обдавал кожу жаром и неожиданным холодком, пробегавшим между лопаток, напоминая о скрытых подо мхом ледяных полях.

Пушистые полупрозрачные облачка, отсвечивая перламутром, медленно плыли по бескрайнему голубому ближе к горизонту и светло-фиолетовому в зените небу.

Мягкий мох и скромные брусничные кустики купались в неглубоких лужицах подтаявшего льда. Подошвы сапог осторожно ступали по влаге – было жалко давить редкие нежные кустики. Земля, смешанная с застывшей водой, надежно держала на поверхности, ведь это было болото в вечной мерзлоте, не таящее опасности, а лишь хранящее свои тайны.

Мох, вперемежку с небольшими желтеющими торфяными прогалинами, покрывал болото до самого горизонта. Кое-где росли невысокие березки. Я знал куда идти. Быстро нашел нашу березку и подковырнул топориком едва заметную во мху канавку. Отогнул зеленый пушистый плотно вытканный мхом коврик.

Потянуло холодком от открывшегося прозрачного льда, голубого вначале и только в далекой сиреневой мгле едва угадывался его край. Если внимательно присмотреться, на разной глубине виднелись мелкие зеленые и желтые частички вмерзшего в лед мха и листочки брусники.

Во льду искрилась хрустальными краями ямка подходящей глубины, такой, чтобы там поместился большой кусок мяса. Когда ямку снова закрываешь мшистым ковриком, наш природный холодильник невозможно отыскать, если не знать, у какой березки он устроен. Хитрые лисы, похоже, здесь не водились.

Я шел в сапогах, шортах, подставив голый торс прямым солнечным лучам и наслаждался жарой и приятным недолгим загаром. В правой руке в такт шагам раскачивался топорик, левая удерживала приличный кусок мороженого мяса с выглядывающей из глубины толстой овальной косточкой. Я сегодня дежурил по кухне.

Небольшой студенческий отряд, состоящий из нас, шестерых студентов ТИРЭТ, далеко не задаром, подрядился строить коровник в деревне Каргасок, что в трехстах семидесяти семи

километрах севернее славного студенческого города Томска, если брать по прямой, а не идти на каком-нибудь баркасе по извилистой реке Обь.

Готовили мы по очереди и делали это экспромтом, но всегда с энтузиазмом, кто что умел, поэтому обедали обычно весело, сталкиваясь с неожиданным, но вкусным блюдом.

До обеда времени было еще порядочно, но я слегка проголодался во время прогулки по болоту и как-то подсознательно делал всего побольше - мужики-то здоровые, нарубятся топорами по дереву, ведь если не насытятся... лучше даже об этом не думать.

Я собрался варить борщ. Как водится: положил мясо, предварительно разрубленное на несколько кусков, в большую кастрюлю. Была печка или электроплита, сейчас уже не помню, хотя, наверное, электроплита, так-как с дровами я не возился точно, но огонь хорошо грел и пар над кастрюлей появился довольно быстро.

Вымыл и нарезал кубиками несколько больших морковок и высыпал в кастрюлю.

Почистил картошку, помыл, нарезал кубиками в большую алюминиевую миску. Помыл и мелко нарезал парочку клубней свеклы. Изрезал мелко кочан капусты, настрогал кольцами лук, накрошил петрушки, укропа и стал ждать, когда сварится мясо.

Начавшую булькать, пузыриться и покрываться легкой пенкой воду помешивал большой деревянной лопаткой, назначение которой я не понимал, но это что-то связанное с тестом. С помощью поварешки, вилки и ножа периодически проверял, когда мясо разварится.

Когда мне показалось, что довольно приличный кусок жевался легко, я вспомнил о соли и насыпал на глаз ложку, может две.

По очереди вывалил, в ставший уже ароматным бульон, все ингредиенты, горками и в мисках занявшими весь стол, при этом вода как-то неожиданно поднялась почти до краев.

Осторожно бросил на начавшую бурлить поверхность несколько лавровых листков и пять - десять горошин душистого перца и стал ждать.

Отходить было опасно – при кипении жидкость расширяется, да еще появляется непредсказуемое волнение на поверхности, поэтому нужно глядеть в оба. Но я был наготове и как мог, боролся с коварством борща, не позволяя ему выплеснуться из кастрюли и еще успевал во время снимать пенку, скидывая ее куда-то за спину – там была раковина.

Я не отрывал взгляд от красной, аппетитной, бурлящей поверхности, помешивал содержимое деревянной скалкой, которая сделалась красной, и не забывал пробовать ложкой поднимавшиеся из глубины кубики картофеля и другие составляющие борща. Наконец выловил вилкой кусок мяса и проверил его мягкость, соленость и вкус. Потом набрал всего поварешкой, подул, остудил и понял – все, борщ готов! Вкуснятина была необыкновенная!

Выключил плиту - наконец, все было готово. Я поставил две миски со сметаной в разных концах стола. Вскипятил большой зеленый чайник, заварил чай, нарезал две булки хлеба, разложив пластики в сетчатые хлебницы. Расставил большие алюминиевые миски по три с каждой стороны стола, ложки положил справа, вилки слева, по центру положил пару острых ножей и стал ждать мужиков.

Ждать пришлось недолго - мужики с топорами, некоторые небритые и с бородами, ввалились неожиданно и весело поглядывали то на меня, то на огромную кастрюлю с борщом, при этом ноздри у них слегка подрагивали и руки уже быстро-быстро омывались в рукомойнике.

Мужики расселись у тарелок и неотрывно глядели на меня. Я, улыбаясь, взял большую алюминиевую чашку, принадлежащую Мослу, нашему старшому. Поставил ее рядом с кастрю-

лей и легким движением фокусника, поглядывая на мужиков, опустил поварешку в аппетитно пахнувшее варево. Но поварешка легла горизонтально и не тонула.

- Что за черт, - про себя пробурчал я, и начал пропихивать поварешку на глубину.

Я заметно опешил, а мужики напряглись, видимо прощаясь с обедом. Но я взял себя в руки и, стараясь не показать растерянности под пытливыми взглядами бородатых мужиков, упорно работал поварешкой, то опуская ее в кастрюлю, то вынимая дымящееся варево и высыпая его в миску. Поискал кусок мяса с мослом, предназначенный для Мосла и водрузил его в миску, заполненную до краев ароматным варевом.

Аккуратно взял миску за широкие края и поставил ее перед Мослом.

- Берите сметану, пожалуйста, хлеб, перец вот, - проговорил я и все мы начали смотреть на действия Володи - он снимал пробу.

Володя сдобрил варево сметаной, посыпал черным перцем и чинно, не торопясь начал работать ложкой. Затем он наклонился над тарелкой и стал быстро-быстро уплетать борщ, не забывая откусывать от ломтя хлеб. На лбу у него появился пот.

Мы все, особенно я вздохнули с облегчением. Я разлил, вернее насыпал борщ в чашки, не забывая положить в каждую заранее нарезанные куски мяса.

Хога-Фога, Боб, Смирношка, Будячок и я склонились над горячими алюминиевыми мисками и уплетали за обе щеки неожиданно ароматный, вкусный, наваристый борщ. Мясо таяло во рту. Каждый не забывал вытереть тыльной стороной ладони пот со лба.

Все попросили добавки. Я уже радостно улыбаясь и где-то даже мурлыча тихонько какую-то песенку наполнил каждому миски.

Обед получился сытным, вкусным; меня наперебой хвалили, попросив, правда, в следующий раз, когда буду дежурным по кухне, сделать борщ пожиже.

_____

ТИРЭТ – Томский институт Радиоэлектроники и Электронной техники (сейчас ТУСУР).

Мосол – Володя Лазаренко, староста группы 46-1, директор НИИ в городе Алма-Ате, бизнесмен в сфере производства радиоэлектроники собственной разработки. Всегда просил дать ему мосол (крупный кусок мяса с костью, заполненной мозгом).

Хога-Фога - Валера Коронов, ведущий инженер конструкторского бюро в г. Жуковском, участвовал в разработке нашего шаттла «Буран», проживал под Москвой (ушел в 2019 году, Царствие ему Небесное).

Боб – Боря Шадрин, начальник отдела «НИИ Связи» в городе Омске, кандидат технических наук. По его диссертации была построена широкополосная помехозащищенная система передачи изображений поверхности Венеры со спускаемого аппарата. Качество изображения было очень высокое. Разработал и запустил в производство несколько систем связи для военных. Великолепный баянист - окончил музыкальную школу в юности, руководил оркестром на танцплощадке в школе и был главным музыкантом наших студенческих застолий. Мама часто высылала ему ящик с салом из деревни Колпашево, что близ Томска. Это событие было

общим праздником нашей группы, который проходил под музыку баяна. Особый восторг вызывал у нас «Полет шмеля», который исполнял Боря по нашей просьбе.

Смирношка – Володя Смирнов, Будячок – Володя Будяк, кандидаты наук, работали вместе с Борей Шадриным в «НИИ Связи».

Я - автор этих строк.

(Изображение сгенерировано ИИ deepchat_ru).

Фундамент

...Когда, кто-то, похожий на бухгалтера, мелькнул за угол, мы, забыв, что у нас топоры за поясом, побежали за ним...

Это было лето после первого курса, такого трудного и радостного, отмеченного замечательными приключениями и тяжелой учебой, когда голова ломилась от избытка информации. Экзамены сданы на отлично, хорошо, ну и где-то может на троечку, что никак не отражалось на настроении - нас охватила эйфория. Мы строили планы на лето, но расставаться не хотелось.

- Мужики, - вскричал, привычно грассируя Хога-Фога, вбегая в комнату, - на стене студсовет повесил объяву - потлрудиться в стлройотлрядах плредлагает!

Наша комната: Хога-Фога, Боб и я, уже ставшие за год учебы закадычными друзьями, посовещавшись, поехали в институт записываться в стройотряд.

В большой комнате студсовета на столах лежали бумаги и карты (географические). Народ склонился над картами, листал бумаги, обсуждал, спорил. Мы подсели к столу, за которым уже вовсю работали Смирношка и Будячок.

Смирношка – Володя Смирнов, коренастый парень в очках, умный, спокойный, настолько, что однажды распутал леску, смотанную в клубок на моей удочке, когда я выскочил из речных кустов с серой комариной массой на спине, толстым слоем облепившей мой красный свитер. Словно горчичники на спину налепили - мне тогда не до лески было, а Володя ее размотал – герой, я так не умею.

Будячок – Володя Будяк, тоже умный, высокий в очках с подкупающей улыбкой и правильной речью; он чем-то походил на худощавого профессора из какого-то кинофильма.

Предложения в бумагах были разные. Сооружать вертолетную площадку в глухой тайге нам не захотелось - далеко от Томска, сосны толстые валить надо и таскать бревна! Нет, это не то. Опять же комары весь красный свитер облепят - площадку я забраковал. Дом из бревен класть трехэтажный в каком-то селе, это бревна спиливать и таскать – тут Хога-Фога возник, слабенький он у нас, невысокий, но такой приятный человек, хороший товарищ, мы его сильно уважали и не позволили бы ему надрываться.

И мы выбрали возведение фундамента, это значительно ближе к Томску. Лопатой работать мы умели – стой себе и кидай в бетономешалку то, что скажут. К тому же, нас пятеро – четверо носят раствор на носилках, один кидает лопатой. Река рядом, от цемента отмыться и искупаться есть где. Все, решено, наша бригада из пяти человек записалась строить фундамент.

Честно скажу, никто из нас этого не делал. Правда, мы с папой заливали цементным раствором стенки подвала, где мама потом хранила банки с соленьями, но я был простой рабсилой и в премудрости изготовления раствора не вникал.

Мы прибыли на место пароходом, как мы его называли, хотя, конечно, двигатель на нем не паровой. Само путешествие по реке Обь уже было для нас праздником, который навсегда остался с нами. Почти весь путь мы то сидели на скамейке и смотрели, как зеленые берега медленно плывут назад, то спускались на нижнюю палубу чего-нибудь перекусить в буфете или вздремнуть, натянув козырьки кепок на глаза.

Мы сошли по шаткому узенькому трапу, правда с поручнями, на пристань, которая приветливо встретила нас голубыми столбиками, подпирающими крышу с резными, тоже голубыми, наличниками. Уютненькая, милая, свежеокрашенная пристань. Есть и скамеечки и буфет, где за круглыми столиками немногочисленный народ пил пиво. Но мы воздержались, потому что уже вечерело и мы пошли по травянистой дороге к конторе, чтобы успеть получить жилье, пока офис не закрылся.

Найти заведение, пригласившее нас на стройку, не составляло труда, так-как поселок представлял собой несколько прямых улочек с двух-трех этажными бревенчатыми домами барачного типа. Увидев дом с широким крыльцом и огромной вывеской «Сельсовет», мы вошли.

Рабочий день уже заканчивался, и некоторые сотрудники успели покинуть свои стулья и столы. Только за одним столом сидел человек изможденного вида в очках. За его спиной к стене был намертво прикручен большой сейф.

- Бухгалтер, - подумали мы.

- Здравствуйте, мы по направлению из ТИРЭТа, строительная бригада студентов, - сказал Будячок, - он был самый вежливый из нас.

- Я бухгалтер, - сказал бухгалтер, - председатель сельсовета вышел, но сейчас будет, а, извините, ТИРИЭТ это где будет?

- Мы студенты Томского вуза радиоэлектроники и электронной техники, сокращенно ТИРЭТ, - сказал я, несколько раздражаясь.

Боб прозвал меня Уркой, наверное, за вспыльчивость, которая редко, но проявлялась. Я был крепенький малый, повыше Смирношки, но ниже Будячка и занимался самбо.

Боб – Боря Шадрин, тоже занимался самбо, но немного. Он хорошо учился и играл в шахматы, был широкоплеч, но чуть пониже меня. Но, самое главное, он так потрясающе играл на баяне «Полет шмеля», что Олгушка аж пищала. Оля, это душа и заводила в нашей группе. Боря окончил музыкальную школу в Колпашеве и руководил раньше там оркестриком на танцплощадке, за что его в школе слегка журили.

Дверь открылась, и в большое помещение с полупустыми столами и стульями вошел большой, грузный человек.

- Председатель сельсовета, - подумали мы.

- Здравствуйте, это наши долгожданные студенты! – весело сказал он, - ждем, ждем с нетерпением. Я председатель сельсовета.

- Мы,- начал было Хога-Фога, но его кто-то толкнул локтем и он замолчал. Наверное, он хотел сказать: «Мы догадались».

Хога-Фога – Валера Коронов, он чем-то походил на представителя группы Битлз, ходил несколько развязно в соответствии с прозвищем, так его окрестил Боб. Как Битлз, такой же лохматый, но все же причесанный и глаза из под челки были хорошо видны. Учился он хорошо, но чуть-чуть картавил и его утреннее:

- Мужики, дайте тлри копейки на тлрамвай! – было нам хорошо известно. Ах, какие тогда были цены!

- Пойдемте, я как раз занимался вашим размещением, все готово, пойдемте, - сказал председатель, предварительно посмотрев наши бумаги, которые ему показал Боб.

Огромная бревенчатая комната с десятком кроватей, половина которых стояла около окон с видами на сосновый лес, нам сразу понравилась. Было солнечно. Лучи падали на желтого цвета одеяла на кроватях. Медовых оттенков лощеные бревна стен задавали светлое, лучезарное настроение, тем более, что до пристани с буфетом, где есть пиво, было недалеко, мы это помнили.

Мы разобрали кровати у окон, выложили в тумбочки все из рюкзаков и были готовы пойти на ужин.

Столовая с вывеской «Столовая» находилась в центре поселка. Мы вошли в уютное помещение с несколькими столами, покрытыми белыми скатертями. Стулья с гнутыми спинками красиво и аккуратно прилепились к столам.

Мы расположились за двумя столами, но потом, заметив, что в столовой тоже есть пиво, попросили разрешение сдвинуть столы и расселись, как нам удобно.

Ужин был замечательный с борщом, котлетами с картофельным пюре – как мы любили. Мы хорошо посидели, выпили по кружке пива, и пошли к себе домой по ночному поселку – освещенность здесь оказалась неважная, только пара – тройка фонарей висела на столбах.

Утром за нами пришли. Мы уже успели умыться, но еще не завтракали. Паренек из конторы рассказал, что нас ждут на объекте там-то, там-то, к девяти утра. Позавтракав из наших запасов, благо электрочайник и стаканы имелись, мы выдвинулись на рекогносцировку.

В указанном месте нас ждала группа представительных мужчин в пиджаках (джинсов тогда не было)

– Заказчики, - подумали мы.

- Это заказчики, - сказал знакомый нам председатель сельсовета, - они покажут объем работ и расскажут что и как делать.

Мы поздоровались с заказчиками и председателем за ручку, при этом главный из заказчиков, мы его сразу определили, обходя наш неровный строй, заглядывал каждому в глаза.

- Вот здесь будете заливать фундамент, - и главный, оказалось, что это главный инженер, подвел нас к длинной траншее приличной глубины – метра два, и шириной в две лопаты, вырытой явно ковшовым экскаватором.

- Ваша задача залить траншею бетоном, потом сделать опалубку, доски вон там, - и он показал рукой на небольшой штабель с пиломатериалами под навесом, - высота опалубки полтора метра. Ее тоже зальете бетоном.

- Как бы не сперли доски, - мелькнуло у нас в голове, - уж очень новенькие, жалко бетоном мазать! – но мы промолчали и внимательно слушали.

- Пойдемте, обойдем объект, - сказал главный

И мы обошли вокруг аккуратной прямоугольной траншеи внушительных размеров.

- А сейчас я назначу бригадира из вашей среды, он будет вам давать указания, которые иногда будет получать от меня. Его будете слушаться. Привыкайте, так всегда делают на производстве. Поровнее встаньте, хочу поближе с вами познакомиться.

Выбор бригадира произошел быстро. Главный медленно шел и всматривался в лица и позы нестройно стоящего народа. В одежду он не всматривался, она была у всех одинаковая, бомжеватая. Лица наши, конечно, имели выражение, но Боб как раз и зачем-то нахмурился и сдвинул брови, как это он умел, когда сердился. Видимо ему не понравились такие смотрины, не хватало, еще, чтобы зубы просили показать.

Вот он лидер, подумал главный и обратился к Бобу.

- Ваше имя.

- Борис, сказал Боб.

- Назначаю Бориса бригадиром, он теперь отвечает за работы.

Главный о чем-то поговорил с Бобом, пожелал нам успехов и пошел к ГАЗику, в котором уже сидели заказчики. ГАЗик уехал, а мы остались.

Боб через несколько лет по окончании нашего уважаемого и сложного ВУЗа ТИРЭТа стал начальником отдела и успешно добывал заказы и зарплаты рядовым сотрудникам, выстраивал дисциплину и высокую активность в разработках НИР и ОКР.

Но это было потом, о чем мы даже не думали. А сейчас надо таскать гравий, цемент, песок и смешивать его лопатами в большом чане. Потом, правда, подвезли небольшую бетономешалку. Главное соблюсти пропорции компонентов. Было бы нетрудно это сделать, если бы у нас имелось четкое описание объемов ингредиентов в доступных нам измерителях.

Сейчас, при наличии интернета, любой из нас сделал бы это играючи. Например, для бетономешалки на сто тридцать литров нужно:

- две с половиной совковых лопаты цемента;
- шесть лопат песка;
- восемь лопат гравия.

Мы таскали все к бетономешалке издалека носилками, которые переворачивали прямо в этот аппарат.

Сколько лопат чего сыпалось туда - как-то скрадывалось в общем потоке. Кроме того среди нас оказались рационализаторы, вероятно имевшие когда-то дело с цементом, по-видимому, на отцовских дачах, где всегда экономят. В конце нашей стройки они начали зачем-то экономить цемент.

Бедный Боб, как он боролся с этим безобразием! объяснял, что цемента много и он халявный, даже кричал на нас. Вот в этих условиях рос фундамент, мы периодически поднимали опалубку. Фундамент уже достиг нужной высоты и доставал нам до плеч.

Наконец, работа была закончена. Пора идти в бухгалтерию за зарплатой. Однако мы кое-что заметили – если постучать камушком по нашей конструкции в верхней части, она слегка осыпалась. Внизу, средней части и в земле (мы поковыряли там лопатой) таких отслоений не было. Правда этот эффект наблюдался только на самом верху фундамента, там, где начали настойчиво продвигать свою точку зрения наши рационализаторы.

Это нас насторожило, а тут еще пришли заказчики и тоже стали ковырять сооружение. Мы их убеждали, что цемент наверху еще не совсем застыл и на днях он станет, как камень, а внизу, когда уже прошло несколько дней, он уже окаменел. Но заказчики, особенно один из них, были злые и пообещали нам, что не оплатят работу – это было уже слишком.

Мы готовились уезжать, и пошли в контору за зарплатой, но бухгалтера нигде не было, и в кабинете он отсутствовал - пришлось разыскивать его по всему поселку. Мы всей толпой ходили по селу с инструментом, для удобства заткнутым за ремни потрепанных, давно нечищеных брюк.

На завершающей стадии работ как раз демонтировали опалубку топорами, поэтому за поясами у нас болтались топоры.

Мы были огорчены недоверием заказчиков к нашей работе, раздражены, сердиты, разгневаны! Наши возмущенные голоса раскатом гремели то здесь, то там на улицах небольшого поселка.

Уже все знали, что нам задерживают зарплату, что бухгалтер с самого обеда бегает от нас по всему селу.

У каждого случайного прохожего мы яростно спрашивали:

- Где этот нехороший бухгалтер?

Народ нас сторонился, оконные рамы на всякий случай закрывались.

Вот кто-то, похожий на бухгалтера, мелькнул за угол. Мы всей грязной, выпачканной в цементе толпой, с болтающимися туда-сюда топорами за поясами побежали за ним. Это был явно бухгалтер, и бежал он по направлению к конторе, почему-то петляя из стороны в сторону, как в боевиках.

Вот его кабинет. Мы спокойно, чинно, смиренно, в полной тишине всей толпой начали протискиваться в двери бухгалтерии и увидели бухгалтера, стоящего на табуретке под сейфом – он пытался попасть ключом в замочную скважину.

Но тут раздался стук топора о деревянный пол – это Хога-Фога зацепился веревкой, которая у него была вместо ремня, за ручку двери. С глухим стуком упал топор.

Хога быстро наклонился и высоко поднял топор с пола. Ключ вывалился из неспокойных, вздрагивающих рук бухгалтера Он спрыгнул с табурета под стол, очевидно разыскивая ключ.

Мы упорно молчали и с интересом наблюдали за действиями казначея. Бухгалтер снова взобрался на табуретку, вытащил пачку купюр, перехваченную резинкой – очевидно, наша зарплата уже была подготовлена к выдаче, но несколько задерживалась.

Бухгалтер разложил купюры на пять кучек и сказал:

- Распишитесь, пожалуйста.

Мы вежливо по очереди подошли к столу, пересчитали свою кучку, сравнили с ведомостью и расписались в нужной графе.

- А премия, - спросил Будячок, но Боб слегка толкнул его локтем. Боря знал, что премию нам урезали – у него, очевидно, был разговор с заказчиками.

- Извините, - сказал Хога-Фога. Он все операции с деньгами и авторучкой проделал одной рукой. В левой у него был топор – пояса-то, куда можно его засунуть, не было.

- Спасибо, до свидания, - сказали мы, кто хотел.

Бухгалтер стоял, ожидая пока мы покинем кабинет, но перед тем, как закрылась за нами дверь, успел сказать:

- До свидания, - и почему-то помахал нам рукой.

(Изображение сгенерировано ИИ deepchat_ru).

Скамейки

...Мы быстренько исчезли в дверях нашего старого общежития...

Мы с Володей Лазаренко возвращались ближе к концу дня, не помню откуда. Была скорее осень, чем весна или начало лета, во первых потому, что летом нас в Томске не было – каникулы, во вторых, кажется, начали облетать листья с деревьев - под ногами вроде что-то шуршало. Да и деревья, выстроившиеся ровными рядами вдоль аллеи по улице Кирова, где стояла наша старая общага, были очень красивыми с разноцветными листьями – значит, был теплый осенний вечер. Точно помню, что дождя не было, и мы были в рубашках с короткими рукавами, которые совершенно не стесняли наших движений. Мы очень веселились, и хотелось дурачиться.

- А давай, - сказал я или Володя. Мы вернулись к началу аллеи и начали по очереди поднимать напопа тяжелые скамейки с литыми чугунными ножками-подлокотниками, очень красивыми и фигуристыми, соединенными множеством толстых реек, на которых сидят и опирается спина.

Работа была тяжелая, но очень, на наш взгляд, интересная. двадцать или тридцать скамеек подняли, мы не считали, но получилось красиво: слева скамейки стояли, как принято в порядочных парках, а с правой стороны аллеи все стояли напопа и возвышались высоким ровненьким рядом. Нам понравилось.

Однако слева от аллеи, с той стороны улицы с односторонним движением располагалось достаточно высокое, очень протяженное, почти во всю длину аллеи и очень красивое, с лепниной, выкрашенное в салатный цвет здание КГБ (сейчас ФСБ).

Мы как-то не сразу обратили на него внимание, хотя много раз проходили мимо, видимо забыли.

Что-то заставило нас ускорить шаг, и мы быстренько исчезли в дверях нашего старого общежития – новое на Южной только строили, но это уже другая байка.

(Рисунок сгенерирован ИИ powertext_ru).

конгруэнции

...Магическая фраза «Центроаффинные расслояемые конгруэнции» до сих пор приводит в восторг мою жену...

Знания по математике мы получали прочные, ведь курс читал куратор нашей группы доцент, доктор физико-математических наук Магазинников Леонид Иосифович. До сих пор теорию рядов, матрицы, интегральное и дифференциальное исчисление неплохо помню и сейчас. Чтобы начать решать задачи, нужно только недельку почитать учебник, спасибо Магазинникову.

Впереди нас ждал коллоквиум по математике. Мы все были очень озабочены этим, и знали, что никто не даст нам избавления ни Бог, ни царь и не герой, хотя...

Володя Меженный, одногруппник и, одновременно, староста потока, изложил нам очень подходящий случаю план. Он раскопал в библиотеке докторскую диссертацию Леонида Иосифовича, которая называлась примерно так: «Центроаффинные расслояемые конгруэнции».

Название работы нам понравилось, оно было интригующим, навевало романтику, но было непонятно. Бежать в библиотеку было некогда, а интернета тогда не было. Володя тоже объяснить особо не мог, но чуток уловил из справочника по математике значение основных терминов, из которых состоит название работы. Он собрал группу в общаге и изложил нам, как мог, их значение.

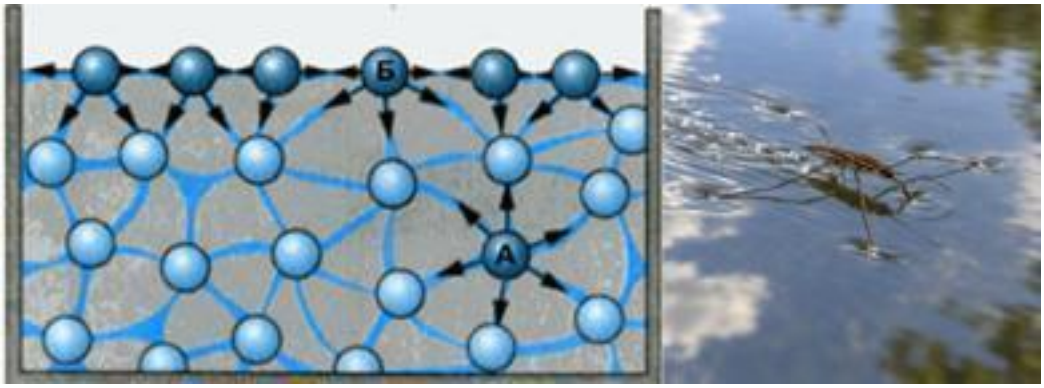
Коллоквиум был назначен на после обеда, а утром все сидели на лекции Магазинникова. Мы вышли из аудитории вместе с нашим куратором. Володя рассказал Леониду Иосифовичу, как мы всей группой проявили огромный интерес к его работе «Центроаффинные расслояемые конгруэнции» и попросил рассказать нам в чем суть работы.

Леонид Иосифович, улыбнулся, похвалил нас за любознательность и, слегка раскрасневшись, сказал, что это связано с преобразованием плоскости или пространства в себя. Явно упрощая, без доски и мела он еще немного кое-что нам пояснил, затем, еще раз похвалив и поблагодарив за интерес к его работам, удалился. Коллоквиум прошел хорошо и всем был поставлен зачет.

Магическая фраза «Центроаффинные расслояемые конгруэнции» до сих пор приводит в восторг мою жену Наташу.

(Изображение сгенерировано ИИ powertext_ru).

ВОВКИНА капля

...На преподавательницу, к.ф.-м.н., Абрамович было жалко смотреть - она явно ничего не понимала в современной науке...

Завтра экзамен по физике. В комнате тишина. Боб склонился над учебниками, разложенными в углу стола, ближе к окну, грызет авторучку. Хога-Фога что-то пишет, наверное, шпоры - может так теорию закрепляет. Я сижу на кровати, читаю, вникаю, запоминаю.

Весна, солнце не дает покоя, хочется в парк, к реке. Но надо учить, весенняя сессия второго курса – не шутки. Хорошо с утра работается, думается и запоминается. Хорошие ребята в комнате, все стараются не шуметь. Только изредка переговариваемся по теме.

Однако, в нашем коридоре девятиэтажного общежитии раздаются топот, визиг, смех и быстрые тупые стуки, напоминающие палочные китайские бои.

Это нам не особенно мешало при плотно закрытых дверях. И мы, попривыкнув маленько, почти перестали обращать внимание на эти посторонние шумы. Сначала выглядывали в коридор, пытаясь успокоить виновников шума, но потом смирились.

Шумели и уже довольно долго Вовка с Иркой. Они фехтовали дранками, которые строители оставили в рекреации у окна коридора, намереваясь где-то обить ими стену и заштукатурить.

Вовка Лазаренко высокий, худощавый вихрастый парень, староста нашей группы. Худой, но сильный и ловкий, так-как занимается самбо.

Ирка из соседнего общежития, учится в ТГУ на химфаке. Наши группы ТИРЭТ и ТГУ познакомил Леонид Иосифович Магазинников, наш куратор. Он преподает математику, доктор наук и очень умный.

Он организовал по какому-то поводу совместный праздник в кафе нашей группы, состоящей почти из одних мальчишек и группы из ТГУ, состоящей из одних девчонок. Мне кажется, Магазинникову эту идею подсказала его жена, преподаватель в ТГУ. Ее, видимо, заботило будущее девчонок, которые хотели замуж. А мы не хотели и об этом не думали. Потом были совместные выезды в лес на лыжах. И сработало – на последнем курсе некоторые переженились.

Так вот, Ирка с Вовкой носились по коридору. Ей то что - у нее не было в понедельник экзамена, а у Володи был. Мы ему сказали об этом, но он, раскрасневшийся и запыхавшийся, только отмахнулся, сказав: «Не беспокойтесь, мужики, выкручусь».

И выкрутился, да так, что ошарашил нас всех неожиданно прорезавшимся талантом импровизации и покорил преподавательницу физики - кандидата физико-математических наук Абрамович, не старую, довольно симпатичную женщину лет сорока.

Мы стояли у дверей и нас вызывали по очереди в класс к доске. Экзамен был устный. Возьмешь билет и отвечаешь. Ни присесть тебе, ни шпору вытащить. Трудный экзамен и влияет на стипендию.

Стоим, трясемся. Кто сдал - радостно выскакивает в гущу народа делиться взахлеб впечатлениями и умными мыслями по физике.

Вовка ни черта не учил, но был весел. Как он выкрутится, мы не знали и когда его вызвали – все сгрудились около дверной щели. Некоторые даже присели.

Вопрос ему попался о поверхностном натяжении капли жидкости. Предполагалось объяснить это явление и привести некоторые формулы.

Вопрос явно не простой, особенно если пытаться нарисовать мелом на доске формулы по поверхностному натяжению. Мы Вовке посочувствовали, так-как не особо представляли эти формулы, я, по крайней мере.

Володя, на удивление, недолго думая, подошел к доске и начал рисовать точки, снабженные стрелками в три стороны – это силы притяжения между молекулами жидкости (воды). На поверхности у точек одна из стрелок отсутствовала, и это правильно, это понятно, так-как воздух сильно разряжен и воду не притягивает. Ну и ладно, молодец понимает, почему молекулы воды стремятся к своим собратьям внутрь и натягивают плотную пленку, по которой бегают жуки по воде. Про жуков он тоже сказал.

Но формулы! Тут нужно изучать, что и как.

А мы как раз проходили по математике теорию матриц и Магазинников с нас строго спрашивал. Вообщем всю неделю жили теорией матриц, коллоквиум сдали, а тут физика.

И Володя еще не остыл от матриц, это самое свежее, что было в голове. Он собрался, набрал побольше воздуху в легкие и его понесло, да так складно!

Это выглядело примерно так:

- Процессы поведения молекул воды на границе с воздухом или чем-то еще описаны в статье на английском языке в журнале Кембриджского университета «Кемикал сайенс ньюс» за этот год номер три, которую я тщательно изучил. В статье каждая молекула описывается трехмерной матрицей. Таких матриц много, в первом приближении взято сто. Из таких групп матриц по сто, формируются трехмерные матрицы второго порядка также по сто. Таким образом, молекулы воды, как бы упакованы в жидкостные емкости по сто молекул, образуя виртуальные супермолекулы, которые группируются в матрицы следующего уровня тоже по сто матриц второго уровня и так далее. В первом приближении взято сто уровней. Таким образом, разбивая жидкость в группы по сто молекул в многомерных матрицах до уровня сто, английским ученым удалось с высокой точностью описать поведение молекул жидкости. Это не обязательно вода – может быть также спирт, ртуть, расплавленное золото и так далее. Полученные результаты с высокой точностью дают все коэффициенты поверхностного натяжения для границ любых сред: вода – воздух, спирт – воздух и так далее…

На Абрамович было жалко смотреть - она явно ничего не понимала в современной науке. Поэтому она остановила разговорившегося Володю, который уже взял мел и собирался популярно нарисовать теорию мелом на доске.

- Хорошо, Владимир Николаевич, - сказала она, - я рада, что мои ученики так глубоко изучают иностранные журналы. Я еще не читала эту статью, найду ее и обязательно изучу. Вам я ставлю пять, молодец!

Вовка красный и мокрый от напряжения выскочил к нам за дверь, и мы всей толпой побежали по коридору за угол, где вдоволь наржались до слез.

Вовка не зря был нашим старостой, и мы гордились им!

(Рисунок сгенерирован ИИ powertext_ru).

Уже тогда...

...Уже тогда это все началось. Или никогда не кончалось?...

Майское солнце уже припекало. Легкий ветерок обдувал наши разгоряченные после душа лица и еще не просохшие непослушные волосы. Настроение было приподнятое. Мы шли по такой знакомой за годы учебы улице Ленина, главной улице Томска, пропуская прохожих, в основном студентов, и любовались красивыми, золотистого цвета рельефными фасадами домов, смотревшимися не хуже Ленинградских.

Еще возбужденные после тренировки, тормоша и подталкивая друг друга, мы, часто смеясь и, не забывая подставлять лица под теплое весеннее солнце, обсуждали занятия на секции.

Я со смехом рассказывал, как Боб, который только недавно начал посещать наши тренировки, меня сильно удивил:

- Боб сегодня так высоко подпрыгнул, только ноги просвистели, смотрю, он тянет меня за рукав и ворот куртки. Ну, я и повалился прямо на него. Кое-как вывернулся и охватил ногами Бобову руку на болевой. Но Боб, - и тут я толкнул его в бок, - так крепко ее прижал к телу, что у меня ничего не вышло. Мы побарахтались, поднялись и снова схватили друг друга за грудки.

- Ты меня на подсечках три раза свалил, - сказал Боб.

- Это я сдрейфил от твоего коронного приема и старался не позволять тебе прыгать на мою руку и сбивать с ног, - сказал я, - но, Боб, извини, я заметил, что у тебя слабоваты ноги и стал делать тебе подсечки, помогало.

- Мужики, я между парами иногда хожу в спортзал, что на первом этаже, качаю ноги штангой. Давайте присоединяйтесь, заодно и мозги прочищает на переменах, - сказал Володя.

С Володей Лазаренко я не боролся, да и Боб тоже. Володя был заметно тяжелее нас, опытнее и имел спортивный разряд – он занимался самбо с первого курса. Я записался в секцию на год позже, а Боб начал ходить только пару недель назад.

Володя часто боролся с Витей Поповым. Они не раз защищали честь нашего ТИРЭТа на соревнованиях и впоследствии оба стали кандидатами в мастера спорта. Борцовские качества часто помогали Володе в лихие девяностые, когда он был предпринимателем.

Я любил заниматься самбо, хотя в нашем институте имелось несколько других спортивных секций. Но, когда несколько раз посетив тренировки в секции бокса, я пришел в общагу с синяком и потом, целую неделю проходив на лекции с замазанным бодягой глазом, я временно приостановил занятия боксом, мужики стали надо мной подшучивать.

Нет, решил я, буду заниматься самбо и оно мне сразу очень понравилось. Самбо было не боевое, бить ногами по лицу или ниже пояса запрещалось и это меня устраивало. Однако приемы здесь были крутые, кроме того заметно росла сила и ловкость.

Тренировки проходили так. В раздевалке мы разбирали специальные куртки для самбо. Институт следил за чистотой снаряжения для своих студентов, здесь все было в порядке.

Потом мы выходили в зал, сплошь устеленный мягкими кожаными матами, и начиналась тренировка. Занятия вел наш тренер Ломакин – мастер спорта по самбо. Он учился на последнем курсе или был преподавателем, я точно не знал. Помню только, что у меня с ним произошел казус, когда в душевой я резко крутанул кран, и холодная вода заструилась на головы моих товарищей, которые дружно мылись после тренировки. Тренер, которого я очень уважал, осуждающе посмотрел на меня, а я, нет, чтобы извиниться, ничего не сказал и после этого на душе остался неприятный осадок.

У меня вообще по жизни не всегда ладились отношения с начальством. Я и сам не пойму почему, но, видимо, потому, что я любил все делать по своему, а это не всегда нравилось руководству. Правда, с моим начальником отдела Эдуардом Прокопьевичем, когда значительно позже я работал в АСКБ "Алатау", всегда были очень хорошие отношения.

Может потому, что он жил в частном доме недалеко от школы в Алма-Ате на одной улице с Сашкой, моим другом детства, с которым мы когда то сидели за одной партой, и он хорошо меня знал еще с той поры.

Может еще по тому, что на белой коре березы, росшей у лавочки, заботливо устроенной у забора его дома рядом с калиткой, крупными буквами была вырезана надпись "НАТАША". Это вырезал я перочинным ножиком, когда дружил с его дочерью. Потом я удивлялся, какими крупными стали буквы и как высоко они поднялись над головой – не достать рукой. Но мы дружили не долго.

Так вот, мы проделывали несколько кругов на корточках вдоль стен спортзала и в конце почти падали с ног от усталости. Потом довольно долго с разбегу делали кувырки, ныряя головой прямо в мягкий мат. При этом надо было слегка прижать к груди подбородок, чтобы перекатиться через холку, спину и встать на ноги.

Такие же кувырки мы делали, перепрыгивая через стоящего в партере товарища. Потом учились падать на бок, что должно было нам помочь при падении на льду, когда станем старенькими.

В общем, разминка хорошо разогревала и слегка выматывала. Затем начиналось самое интересное – мы разбивались на пары и тренер учил нас делать броски. При этом он следил за каждым из нас и показывал, как правильно их выполнять. Когда он демонстрировал это на мне, дух у меня захватывало.

Последние полчаса двухчасовой тренировки мы просто боролись, стараясь победить товарища, положив его на лопатки или сделав болевой прием, когда он начинал хлопать ладонью по мату. Я пробовал не хлопать, но боль наступала сильная, и дать товарищу сигнал было совершенно необходимо.

Мы с Борей Шадриным и Володей шли не торопясь, пригретые солнышком, посматривая по сторонам. Показалось наше кафе, где после тренировки мы часто любили выпить по чашечке кофе, иногда с коньяком. Вошли, сели за столик и заказали три кофе по-французски. Коньяк делал вкус кофе особенно рельефным.

Мы никуда не спешили и продолжали беседовать о наших спортивных делах. Володя рассказал о соревновании на выезде, где он победил своим коронным приемом – броском через бедро.

Я рассказал, как еще в школе пошел на секцию бокса. Брат моего товарища Бахыта имел разряд по боксу и однажды, когда я был у них в гостях, брат попросил меня ударить его в лицо. Я попробовал, но очень осторожно и поэтому он успел уклониться. Тогда он попросил ударить со всей силы, что я и сделал. Но кулак, каким-то чудом, пролетел мимо его щеки в двух-трех миллиметрах. Вот это класс, подумал я, и, немного погодя, пошел записываться в секцию бокса.

Меня должны были принять, так-как мое телосложение было неплохое, и для бокса подходило.

Тренер сказал, что я могу ходить на тренировки, расписание которых висит в коридоре, если мне понравится бокс. В наше время все секции были бесплатными.

- Можешь начать прямо сейчас, - сказал тренер, как я заметил, с озорным огоньком в глазах, и подозвал паренька примерно моего роста.

Паренек, вероятно, имел 3-й разряд, потому что после нескольких моих взмахов руками, я получил удар в подбородок снизу, и неожиданно ощутил себя сидящим на полу. Я начал вставать на ноги и почувствовав, что пол клонится туда-сюда, кое-как добрел до скамейки.

Но все равно я некоторое время ходил на бокс. С более неопытными товарищами у меня получалось лучше.

Вспомнили, как готовился к соревнованиям наш одногруппник, имевший разряд по боксу (забыл его имя, кажется Костя). Соревнования были серьезными, приехали спортсмены из разных городов. Костю всей группой настраивали на победу и давали ему разные советы.

Спортзал был переполнен, все хотели поболеть за ТИРЭТовцев. Сидели на длинных скамьях, стоящих вдоль стен в три ряда – один ряд немного выше другого. Наша группа почти в полном составе внимательно следила за поединками, но, в основном, ждали выхода Кости.

Было шумно, часто звенел гонг и раздавались свистки судьи. Народ громко подбадривал своих и вот, после нескольких боев, на ринг вызвали Костю и его соперника. Соперник нам сразу не понравился – руки у него были длинные, как у гориллы и, когда он наклонялся, свисали чуть не до пола. И вот грянул гонг, партнеры сошлись в центре ринга и мы увидели Костю сидящим на полу. Он был смущен, а нам было почему-то немного стыдно.

Помню, как сам как-то участвовал в соревнованиях по боксу уже в институте. Это были местные соревнования, тогда я выиграл по очкам. Как горели мои легкие под конец третьего раунда, руки не хотелось поднимать! Появилось желание, чтобы все скорее закончилось.

Такое состояние у меня уже было, когда я хлебнул воды в "Комсомольском" озере, расположенном недалеко от нашего дома в Алма-Ате. Мы часто с пацанами ходили туда купаться жарким летом. Учился я тогда в восьмом классе. Там рядом было кукурузное поле, где мы

рвали спелую кукурузу и убегали прямо в озеро, спасаясь от объездчика, который скакал к нам на коне, размахивая кнутом.

Тогда до берега было метров сто, я уже почти не мог дышать и постоянно кашлял, пытаясь вытолкнуть воду из легких. Но я плыл, как мог к берегу и сильно устал. Усталость была такая, что появилась мысль: "Все, больше не могу, а ну его...". И тут я нащупал ногами прибрежный песок.

Мама, ничего так никогда и не узнала.

Я читал потом у Экзюпери рассказ про летчика, который потерпел крушение высоко в горах и при лютом морозе он полз по снегу много дней. Часто его посещала мысль: "Все, больше не могу терпеть эту пытку". Но он вспоминал о жене и маленькой дочери, о товарищах, как они его ждут и, стиснув зубы от боли и холода, полз и полз.

Потом он искал место, где его весной найдут, чтобы жена могла получить страховку. Его, сильно обмороженного, подобрали, и он прожил долгую и счастливую жизнь.

Экзюпери или Хемингуэй, точно не помню, писали: "Никогда, ни при каких обстоятельствах не сдавайся".

Вот так мы сидели, отдыхали, радовались общению, отпивали понемногу кофе и разговаривали.

За соседним столиком сидел мужчина, нормального телосложения и, как нам показалось, прислушивался к нашему разговору.

Мы не особенно обращали на него внимания, ну сидит, что-то попивает человек, посетителей немного, но все вроде приличные люди.

Однако мужчина привстал, уставился на нас и громко произнес следующую тираду:

- У нас в Риге проходили соревнования по боксу, ваши русские многих победили. Но, когда они пошли по городу и проходили мимо порта, наши обычные портовые грузчики всех запихали в бочки ногами вверх!

При этом он напряженно и зло смотрел на нас.

Мы повернулись в его сторону. Я был очень удивлен и не мог понять, с чего это он взбеленился. Я как-то за учебой не очень следил за политикой.

Мы не спускали с него глаз. Володя застучал пальцами по столу, и было видно, что он принял позу тигра, хотя с виду был спокоен.

Мужик кинул купюру на стол и вышел.

На дворе был 1970 год. Уже тогда это все началось. Или никогда не кончалось?

(Рисунок сгенерирован ИИ powertext_ru).

библиотека

...С этим Хемингуэем, прямо, как семечки - оторваться невозможно...

Суббота, раннее утро. Яркое солнце заливает комнату - окна на восток, но на стенах появилась какая-то незнакомая синь, так и есть, на карниз ночью лег снег. Внизу, с высоты пятого этажа общаги не видно ни тротуара, ни дороги - все покрыто сияющими сугробами. На голубом небе ни тучки, наверное, холодно. Неубранный снег сверкает, искрится.

От выходной двери на широких ступенях лестницы и тротуаре пролегла тропинка - наверное студенты уже пошли в библиотеку. Меня тоже потянуло в Пушкинку. Там книга недочитанная, но это я стараюсь выбросить из головы и прячу где-то глубоко, но все равно какая-то тихая радость подгоняет. Иду учиться.

Собрал в портфель тетради, кое-что из учебников – их в библиотеку можно проносить. Сегодня займусь рядами Вейерштрасса, ряды Фурье надо повторить. В понедельник могут спросить – Магазинников давно не вызывал меня к доске, а там не забалуешь только мел и голова. Никто не подскажет – все уткнутся в конспекты, сами ничего толком не знают и на тебя вроде как наплевать.

В комнате тепло, умываюсь, завтракаю бутербродами. Народ – Хога-Фога и Боб остаются, будут заниматься в комнате, а я по первому снегу, прямо с утра в библиотеку. Они уже привыкли, что я учусь в субботу на стороне. А они расположатся на кроватях, и будут грызть науку в тепле. Ну и пусть.

Выхожу, морозец, но пальто с меховым воротником и шапка с опущенными ушами греют хорошо. Сколько градусов? Не посмотрел на термометр у выходных дверей нашего родного общежития номер шесть, что на Южной.

Окна трамвая затянуло инеем, но кое-что видно. Томск засыпало снегом. Редкие прохожие нахохлились, холодно. Ехать примерно двенадцать остановок. Выйду на Плеханова, пройдусь по Ленина – люблю эту улицу, вернее проспект, много с ним связано за три года учебы. Все тут, и институт и даже ресторан «Сибирь», где мы любили обедать, когда богатенькими Буратино вернулись из стройотряда.

Как обычно заказывали говядину в горшочках - фирменное блюдо ресторана и пиво. Потом кто-то робко предлагал: Хога-Фога, я или Боб или Мосол:

- Мужики, может двести в графинчике закажем?

Мы внутренне были готовы к этому и соглашались.

Вышел, по Плеханова дошел до Ленина. Вот высокие окна ресторана. И смех, и грех было наблюдать, как поздним вечером, вытянувшись на цыпочках, заглядывали в окна женщины, высматривая своих мужчин. Лето в Томске жаркое, женщины в красивых платьицах. Зрелище интересное и немного жаль их.

Вот и библиотека. Разделся, заказал учебники и Хемингуэя. В большом зале пустынно, всего несколько человек сидят то тут, то там. Мой стол, рядом с большим цветком с какими-то глянцевыми темно-зелеными листьями, свободен.

Раскладываю содержимое портфеля. Перелистываю тетради, сосредотачиваюсь. Включаю лампу. Зеленый свет от абажура очень успокаивает. Тишина, покой, тепло, голова начинает работать. Пора идти за книгами.

Принес большую стопку книг. Хемингуэй подождет. Проверил, закладка на месте, да и страница записана. Но сначала ряды Вейерштрасса.

«Надо, же - трехчлены ряда довольно точно описывают любую кривую. Чем больше членов, тем меньше отклонения. Пятичлена достаточно. Как вычислить коэффициенты? Надо дифференцировать функцию, что дальше?».

Конспектирую, голова работает, понимаю, и вроде хорошо запоминается. Но «Вошел Кон» – откуда это лезет.

Да Хем пишет прямо сразу в начале: «Вошел Кон».

«Ну и что, вошел и вошел. Нет, нет, нет. Сначала ряды Вейерштрасса».

Продолжаю изучать. Кажется, разобрался, но еще непонятно, как быстро найти коэффициенты ряда. Не только потому, что Магазинников спросит, а самому интересно.

На руке часы, идут точно. Час сижу, до обеда далеко.

«Но Кон».

Хватит, почитаем. Открываю Хемингуэя, нахожу нужное место, так «Кон вошел». Читаю, очень интересно, забылся немного. Тепло, но в сон не клонит.

Что-то пельменей захотелось. Посмотрел на часы – ого, нет, с этим пора кончать. Еще часик и на обед. Пододвигаю раскрытый учебник математики, вспоминаю, где остановился, вникаю. Но что дальше? Хем закручивает не на шутку, из головы не выходит, что дальше.

Пододвигаю Хемингуэя, с увлечением читаю. Все, на обед, нестерпимо захотелось пельменей и чаю. Люблю я эту пельменную «Колобок». Пельмени ручной работы с желтым сливочным маслом. Оставляю книги – здесь никто не тронет, и иду в гардеробную. Одеваюсь, дверь тяжелая, наверное, дубовая. На улице морозец.

Снег скрипит, но слой тоненький – успели почистить. Идти недалеко и не близко – метров пятьсот под горку. Воздух чистейший, солнышко светит. Иду и думаю о рядах Вейерштрасса и про Кона, как его Хемингуэй научился спроваживать.

«Ох, и говорливый же этот Кон и про жену рассказывает, как они всю ночь разговаривали. Хем в душе улыбается, но виду не показывает. А этот Кон чемпион по боксу в университете. Хем тоже боксер хороший, люблю этого писателя».

Дверь в пельменную тоже тяжелая, и внутри тепло. А запахи! Пальто вешаю на треногу рядом со столиком, приношу дымящуюся тарелку с двумя порциями пельменей. Два стакана чая. Хлеб бесплатно на столе. Поливаю уксусом, посыпаю черным перцем и ем. Замечательно, только здесь бы и питался и недорого. В студенческой столовой в основном котлеты, гуляш.

Приезжал папа посмотреть, как я учусь, неделю жил в нашей комнате. Бобу он очень понравился. Боб баянист, показал папе, как играет. Папа ведь гармонист очень хороший, понимает.

Я заметил, довольную улыбку папы, когда заказал в студенческой столовой котлеты с двойным гарниром. Он маме и соседям часто об этом рассказывал. Радовались, что я питаюсь хорошо.

Все, спасибо этому дому, пойдем к другому. Дорога в библиотеку немного в горку. Что-то в сон потянуло. Только не это. Вошел вместе с морозным паром. Дверь тяжело захлопнулась. Разделся, прошел по зеленой ковровой дорожке к своему столу. Стул удобный, спинка приятно охватывает. Стопка книг большая, положил на них голову.

«Чуть-чуть передохну».

Вообще-то запрещено спать в библиотеке. Смотрю на часы – ого, уже пять часов и за окном гораздо темнее стало. Срочно ряды Вейерштрасса! Читаю, дошел до конца. Конспектирую, но что-то не уловил, что было в начале. Перечитываю и начинаю ощущать внутреннее недовольство:

«С этим Хемингуэем, прямо, как семечки - оторваться невозможно. Так до рядов Фурье и не добрался. Все, теперь ряды Фурье!».

Открываю Хемингуэя проверить, где закладка и опять увлекся. Ну что с собой делать! Читаю, нервничаю. Бросил! Снова пододвинул учебник математики. В голову уже ничего не лезет. Скоро семь вечера - пора в общагу.

По себе знаю, с восьми утра до трех дня голова работает хорошо, потом плохо до пяти вечера, потом опять мозги просветляются. Есть исследования у японцев, так и есть. А я после пяти с Хемингуэем просидел, два часа потерял!

«Охо-хо!», - ругаю себя.

Решаю взять учебник по абонементу. Завтра воскресенье - в общаге позанимаюсь. Время еще есть. Но все равно в душе слегка поганенько – день через пень-колоду как-то прошел. Полдня пропало.

Еще полчасика читаю Хемингуэя. Радуюсь хорошей книге, успокаиваюсь. Завтра целый день в теплой комнате. На столе чай, сахар, учебники разложу. С Бобом и Хогой-Фогой дружненько, без лишних разговоров очень хорошо даже изучу ряды Фурье.

(Изображение сгенерировано ИИ deepchat_ru).

фоминки

...Я помню на скирде соломы,
В Фоминках мы жили тогда,
Ты мне о любви говорила
Ласковые слова...

Какая там скирда соломы и ласковые слова? Так что-то в голову взбрело для смеха. Восемнадцать лет, вы шутите? Дружил с девочкой, сидели на травке у озера поздно вечером. Ну, целовался с девчонкой с резинки*, да все целовались: сидишь тихо-тихо, прислушаешься и то там, то здесь с той стороны небольшого круглого озерца слышен шепоток и звуки: «М-цццц-м-чччмок», - или как там? Буквами не изобразишь едва слышный звук поцелуев.

А вообще-то на скирде соломы мы играли в карты. Тихо так играли, чтобы бригадир на коне проезжая в поисках студентов-первокурсников, бывших еще неделю назад абитуриентами, нас не заметил. Играли не тяп-ляп в дурака, а в покер, в абитуре научились; не простой институт, а радиоэлектронный и карточная игра должна быть серьезная, соответствующая.

Сначала, на радостях, что поступили, сильно внаклонку работали – серпами лен косили и снопы вязали. Деревня Фоминка в Томской области лен выращивала – поля до горизонта простирались. Жалко, что отцвел ленок, рассказывают, голубизна простиралась до самого горизонта, вот бы посмотреть! Но не успели, послали нас, бывших абитуриентов, с первого сентября не за парты в актовых залах, а в деревню Фоминку, помочь колхозникам убрать драгоценный лен до дождей, а занятия перенесли на первое октября.

А нам того и надо, в деревне хорошо, только работать внаклонку не очень приятно, но тут приехал нас навестить декан факультета РТФ (радиотехнического значит) и тихонько, по секрету сказал:

- Ребята и девчата, работайте хорошо, не подведите учебное заведение, но старайтесь и отдыхать побольше, очень трудным будет у вас первый курс.

Это мы уловили сразу и, устав от работы, стали забираться на скирды соломы играть потихоньку в карты, умно играли в покер!

А девчата вообще в поле не выходили – все время готовили. Нас было человек двадцать, а их всего трое, прокорми, попробуй!

Еще распорядился декан нас хорошо кормить, и деревня старалась: в погреб погрузили бочонок меда, полтуши свиной, флягу молока привозили каждый день, ну и картошка там, крупа, макароны в избытке. Съешь алюминиевую тарелку картошки с мясом, заешь соленой капусткой, выпьешь тоже алюминиевую кружку молока, макая белый, еще теплый хлеб в янтарный, тягучий, ароматный мед, поблагодаришь девчонок и, отяжелевший, полусонный, с трудом заползаешь на широкие деревянные полати спать.

Делал фотографию на новый комсомольский билет – не влазила физиономия в рамку. Родителям послал – сильно радовались успехам в учебе.

В три часа снова шли на работу, немного, правда работали – находили очередную скирду, залезали в глубокую яму в соломе и в карты играли – спать уже не хотелось. Но утром до обеда работали честно.

Водку не пили. Вообще в школе я первый раз самогон попробовал в десятом классе – Мишку соседа, баяниста очень хорошего самоучку в армию провожали. Наискосок его дом был на той стороне улицы. Но тогда тридцать метров мне с трудом дались – никогда такого не было, чтобы земля сильно наклонялась слева, оперешься на левую руку, потом земля наклоняется справа, оперешься на правую руку. Интересно-то как! До ворот дошел, на веранде уснул. Никого дома не было - мама на фабрике, что недалеко по улице Белинского продукцию шила, в ОТК работала. Папа на железнодорожном кране в центе города работал. Брат в школе был – вообщем никто не заметил, как я в первый раз напился.

А тут, в Фоминках, пришла делегация деревенских:

- Кто на гармошке умеет играть?

Ну, я сказал:

- Я немного.

И пошли мы гурьбой на то ли свадьбу, то ли день рождения. Посадили меня в центре ближе к стене на стул и гармошку дали.

И начал я играть «Яблочко», да так быстро стал наигрывать, что доски на полу ходуном заходили. Пляшут бабы, пляшут деды, пляшут мужики и парни, – здорово.

Играю, играю, и вдруг вижу: слева какой-то невидимой рукой выплывает соленый огурец прямо около рта. И справа другой, тоже невидимой рукой аккуратно подносится граненый стакан с прозрачной жидкостью - водкой и, не прерывая мою игру, аккуратно выливается стакан в рот и огурец вставляется туда же, причем с ожиданием прожевывания предыдущего фрагмента.

Тааак, выпили, закусили, играем дальше. Опьянел, правда, но несильно, следили, чтобы со стула не упал.

Снова работаем, лен серпом срезаем. Срежешь пучок, складываешь на межу, срежешь другой, складываешь. Потом собираешь пучки, вяжешь сноп веревкой и вертикально ставишь. Стебли длинные, с семенными шишечками на конце - раньше цветы голубые были.

Выполняя наказ декана не перетруждаться, два дня давали выходных. Не всем сразу, а по трое-четверо. Залезали тогда на черемуховые деревья, черемуху ели, девчонкам не забывали принести.

Хорошая деревня Фоминки, обожаю время абитуровское и студенческое. А первый семестр был действительно очень трудный – математика с ума сводила, как обухом по голове после школы. Пятнадцать процентов отчислили, не перешли на второй семестр.

Но Бог миловал, и здоровье в Фоминках сильно поправил – до трех ночи спокойно мог заниматься, помогла деревня, проскочил экзамены.

Приехал на зимние каникулы, мама родная не узнала, как поправился, возмужал, ума набрался! Побыл с родными дома, отдохнул, отоспался, друзей навестил и через две недели снова в Томск. А вот летом на Иссык-Куль со школьными друзьями поехал, но это другая история.

(Изображение сгенерировано ИИ Шедеврум).

магнитофон

Глава 1. КУЛЬТУРНЫЙ ОТДЫХ

...Мы с большой точностью определили, что максимальная мощность нашей стереосистемы составляла полтора километра...

Володин магнитофон «Тембр», был самым большим из всех, которые имелись на нашем потоке. По крайней мере, на нашем этаже он был лучшим. Не всегда мы просиживали воскресенья в комнате, готовясь к контрольной или коллоквиуму. Чаще выбирались в город - в кино, парк и иногда в театр. Даже по абонементу в Томскую филармонию ходили несколько раз. Стыдно сказать, я сидел в первом ряду и кое-как удерживал глаза открытыми, хоть спички вставляй, боялся, что заметят и опозорюсь – а ведь оркестр играл Моцарта.

Впрочем, время от времени в большой рекреации на нашем этаже общаги по вечерам состоялись танцы – их организовывал студсовет. Все происходило чин чином, даже буфет с конфетами и чаем был. Девчонок с химфака ТГУ приглашали – их девятиэтажка была рядом с нашей общагой. В новые общежития на Южной мы переехали с Кирова в прошлом году.

Так повелось, стучались к нам в комнату, где жили я, Хога-Фога, Боб и Мосол (Володя Лазаренко) и забирали «Тембр» с кассетами, даже если Володи не было в комнате. Конечно, как-то, между прочим, просьбу все же высказывали, но забирали не слушая согласны мы или нет. Разворачивались танцы. Почти всегда, когда возвращали музыку, говорили, что громкости не хватает.

До сентября оставалось еще три недели, недавно вернулся из стройотряда. Походил туда-сюда босиком по саду, отоспался и решил сделать ламповый усилитель. Схема у меня была - как-то подспудно еще в Томске эту мысль начал прорабатывать.

Лампы мощные для выходного каскада на тридцать пять ватт в Алма-Ате продавались свободно. Трансформаторы, конденсаторы, сопротивления и прочее тоже подобрал. Спаял схему, красивую деревянную коробочку для крепления печатной платы сделал и опробовал свой стереоусилитель на колонках нашей «Ригонды», у которой был хороший приемник и проигрыватель. Виниловых пластинок было много – и русские песни для мамы и младший брат Володя собрал классную коллекцию.

Глава 2. ИСПЫТАНИЯ

Привез я усилитель и первого сентября предъявил мужикам. Володя где-то в комиссионке раздобыл большие колонки – потертые, но с огромными динамиками.

Подключили колонки к усилителю, на вход подали телефонными проводами сигналы со стереовыхода «Тембра», все как следует установили на широком подоконнике нашей комнаты, которая располагалась на пятом этаже новой общаги на Южной, добавили звук ручками усилителя, сделанными из тюбиков от зубной пасты и подпрыгнули – раздался такой рык!

Магнитофон ревел, но ревел чистым звуком – какая-то эстрадная мелодия играла. Музыка гремела, а мы прыгали и толкали друг друга от радости. Гости в дверь стали заглядывать - что за агрегат у нас появился. Разговоры начались - наконец то танцы будут в субботу какие надо.

Повертели мы звук, и тихо чисто играет – ламповый усилитель, все-таки, хоть и самодельный. Стали прикидывать громкость в децибелах.

Хога-Фога спросил:

- Мужики кто-нибудь у реактивного самолета на аэродроме близко стоял? Говорят это сто тридцать децибел.

Володя говорит:

- Я был, глушило так, что с отцом рядом стоящим говорил и ничего не слышал – кричать пришлось.

Прибавили звук.

- Сейчас как у реактивного?

- Да нет, вроде, ведь мы же разговариваем.

У кого-то родилась идея провести испытания на реальном объекте. Просто включить акустику ночью и считать стуки в потолок и стены было как-то не очень объективно. Поэтому решили замерить силу звука в метрах.

Оперативно была создана комиссия в составе Хога-Фога, я и Женя – он как раз в гости пришел. Боб с Володей остались следить за техникой. Мы взяли блокнот, карандаш и выдвинулись на улицу, спустившись по лестнице с пятого этажа девятиэтажки (мы редко пользовались лифтом, до пятого этажа добежать было легко).

На улице, еще около общаги, махнули рукой, что означало – включай. Володя включил магнитофон с записью, по-моему, Высоцкого на полную мощность, как мы заранее договорились. Зазвучал приятный баритон нашего любимого певца, исполняющий песню за песней и все с очень глубоким философским содержанием.

Звук был очень громким, что мы и отметили в блокноте. Мы пошли по улице, пролегающей от общаги к вокзалу. Улица была достаточно длинная – где то около двух километров и для эксперимента годилась.

Останавливались каждые сто тридцать шагов, что соответствовало расстоянию, примерно сто метров и записывали, опять же примерно (прибора «Шумомер» у нас не имелось) уровень звука, скорее его слышимость, определяли на глазок типа «тише на десять процентов».

Шли мы долго и, наконец, остановились, когда магнитофон никто из нас уже не слышал. Результат получился неплохой - полтора километра.

Мы повернули обратно, звук постепенно нарастал. Прислушивались и корректировали записи. Наконец уставшие, но довольные, возвратились в комнату, где ревел наш музыкальный центр. Уже в коридоре было какое-то оживление и из дверей соседних комнат выглядывали сердитые, кислые, раздраженные лица студентов. Недовольными, видимо, были отличники, корпеющие над учебниками.

Но ругаться они не стали, так-как был еще ранний вечер – никто не спал, и мы имели право. Кроме того мы выключили магнитофон и наступила благоговейная тишина.

Мы с большой точностью определили, что максимальная мощность нашей стереосистемы на базе Володиного магнитофона «Тембр» составляла полтора километра.

10.02.2022, октябрь 2026, Санкт-Петербург.

(Изображение сгенерировано ИИ НейроХолст).

носок

Глава 1. А СНЕГ ВАЛИЛ!

...Люди, словно тени брели за снежной пеленой. Деревья отяжелели от снега и низко нависали над тротуарами...

Зима в Томске выдалась снежная, морозная. В этот день снег валил особенно густо. И тишина. Машины ехали почти беззвучно. Редкие троллейбусы неслышно проплывали, сияя фарами не издавая ни одного звука. Люди, словно тени брели за снежной пеленой. Деревья отяжелели от снега и низко нависали над тротуарами, время от времени сбрасывая белый тяжелый пух на прохожих.

Вчерашние сугробы скопились на краю тротуаров и у бордюров на дорогах. Снегоуборочные машины усердно работали лапами, сгребая белое покрывало с улицы Ленина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.